Народный артист Армянской ССР
и Грузинской ССР Фрунзе МКРТЧЯН:

С УЛЫБКОЙ— О СЕРЬЕЗНОМ

ОБРАЗЫ, созданные Фрунзе Мкртчяном в театре и кино, любимы зрителем: они жизненно достоверны, а потому легко узнаваемы. И, пожалуй, самое главное — когда в титрах фильма появляется его имя, в зале возникает веселое оживление...

— Цели смешить людей я никогда не преследую, — говорит Фрунзе Мкртчян. — Более того — просто не люблю смешить. Возможно, не понимаю юмора? Нет, вряд ли. Уж этого никто не скажет обо мне, ведь я из Ленинакана, а жители нашего города серьезно убеждены во всемирной известности ленинаканского юмора.

— Когда вы почувствовали свое призвание артиста?

— Посмотрите одну из последних работ студии «Арменфильм» — картину «Песнь прошедших дней». Ее снял, кстати, мой брат режиссер Альберт Мкртчян. И мне доверил в своей картине роль, клянусь, не по протекции. В центре повествования — история о рождении в военные годы самодеятельного театра в одном из провинциальных армянских городков. Когда голодные, еле державшиеся на ногах люди после напряженного трудового дня приходили репетировать спектакль. Он вселял в них и их односельчан надежду. В какой-то степени биография одного из молодых героев фильма — это и моя судьба. В те годы я, тринадцатилетний подросток, работал на текстильной фабрике, а ночами подрабатывал — был кинемехаником в клубе. Захотелось и самому попробовать сыграть какую-нибудь роль. Потому и пришел в самодеятельный театр. Прошли годы, прежде чем мне оказалась доступной профессиональная сцена Ленинакана.

— А вы помните свою первую роль в кино?

— Еще бы! Я бы назвал ее из ряда вон выходящей. Хотя поначалу все шло вроде бы хорошо. Постановщик картины «Тайна Голубого озера», которая создавалась на «Арменфильме», снимал меня временами даже крупным планом. Восторгу моему не было предела. На премьеру я пригласил всех своих родственников и знакомых. Долго и терпеливо ждали они моего появления на экране,

но их ожидания не оправдались. Только в одном из эпизодов крупным планом показали мои ноги. Когда после просмотра я робко попытался выяснить у режиссера, что же произошло, он популярно объяснил, что я нефотогеничен.

— Как вы относитесь к своей утвердившейся славе комика?

— Я не признаю конкретные амплуа. Они, мне кажется, сковывают инициативу, творческое воображение. Хотя в начале сценической биографии я в какой-то степени эксплуатировал свои внешние данные, свой «типаж». Позже понял, что все дается очень просто и легко, по инерции, и не приносит никакого творческого удовлетворения. Наверное, не случайно, что дальнейшие свои поиски я сосредоточил в области трагикомедии — меня издавна привлекают роли контрастного психологического и эмоционального плана. Счастливым, что таких ролей в моей сценической и кинематографической судьбе оказалось немало — здесь и Хлестаков, и Сирано де Бержерак, и дядя Багдасар из одноименной пьесы А. Пароняна.

— Традиционный вопрос: над чем сейчас работаете?

— Сколько себя помню, я постоянно обращаюсь к горьковской пьесе «На дне». Это та самая классика, которая и сегодня продолжает волновать умы и сердца всех людей доброй воли. Не так давно я поставил спектакль по этой пьесе на сцене Ереванского театра имени Сундукяна.

— А как насчет всемирно известного ленинаканского юмора, помогает ли он в работе?

— И в работе, и в общении с людьми. Во время недавних гастролей театра в Лос-Анджелесе ко мне подошел известный критик Ричард Бейли. Ему понравилась моя роль дяди Багдасара. Особенно запомнился Бейли момент, когда мне около трех минут приходится молчать на сцене. «Как вам удается в этой словесной паузе передать и смешное и драматическое, и даже трагическое?» — спросил он. Пришлось ответить, что такой поразительный эффект достигнут потому, что молчал я... на английском языке!..

С. КРАЮХИН.